

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 9 / 2025, Vol. 5, Iss. 9 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
УДК 821.161.1

¹ Чжан Шимэн, ¹ Ду Гоин

¹ Харбинский политехнический университет

Сравнительное исследование темы отчуждения тела в произведениях «Нос» и «Превращение»

Аннотация: в статье рассматривается сравнительно-литературный подход с использованием AntConc 4.3.1 для анализа темы телесного отчуждения в «Нос» Гоголя в сравнении с «Превращение» Кафки. С помощью внимательного прочтения текста и количественного исследования теория дисциплинарной власти Мишеля Фуко для изучения различий между тремя измерениями: носителем отчуждения, механизмом власти дисциплины и литературным выражением. Выяснилось, что оба выбирают нос и насекомое в качестве носителя символа отчуждения. С точки зрения дисциплинарной власти, первый показывает манипуляцию идентичностью со стороны дисциплинарной власти через нос, а второй – доминирование над жизнью со стороны дисциплинарной власти. В плане художественной выразительности, в первом случае используется ироничный юмор для деконструкции социального лицемерия, а во втором – холодное и спокойное повествование для представления абсурда как экзистенциальной реальности. Данное исследование вносит вклад в понимание творческих особенностей двух авторов и того, как повествования о телесном отчуждении становятся метафорами экзистенциальной ситуации современного человека.

Ключевые слова: отчуждение тела, Гоголь, «Нос», Кафка, «Превращение», сила дисциплины

Для цитирования: Чжан Шимэн, Ду Гоин. Сравнительное исследование темы отчуждения тела в произведениях «Нос» и «Превращение» // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 9. С. 133 – 143.

Поступила в редакцию: 20 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 августа 2025 г.; Принята к публикации: 22 августа 2025 г.

¹ Zhang Shimeng, ¹ Du Guoying

¹ Harbin Institute of Technology

A comparative study of the theme of physical alienation in the works “Nose” and “Metamorphosis”

Abstract: this study employs a comparative literature approach, utilizing AntConc 4.3.1, to conduct a contrastive analysis of the theme of physical alienation in Gogol’s *The Nose* and Kafka’s *The Metamorphosis*. Through close reading and quantitative research, drawing on Foucault’s theory of disciplinary power, the study explores the differences between the two works across three dimensions: the vehicle of alienation, disciplinary power, and literary expression. The findings reveal that the two texts select distinct symbolic carriers of alienation – the nose and the beetle, respectively. In terms of disciplinary power, *The Nose* exposes how disciplinary mechanisms manipulate identity, while *The Metamorphosis* demonstrates the domination of disciplinary power over life itself. Regarding literary expression, Gogol employs satire and humor to deconstruct social hypocrisy, whereas Kafka adopts a detached and subdued narrative, presenting the absurd as an inescapable reality of existence. This research contributes to a deeper understanding of the two authors’ distinctive creative styles and how narratives of physical alienation serve as metaphors for the existential predicament of modern individuals.

Keywords: physical alienation, Gogol, *The Nose*, Kafka, *The Metamorphosis*, disciplinary power

For citation: Zhang Shimeng, Du Guoying. A comparative study of the theme of physical alienation in the works “Nose” and “Metamorphosis”. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (9). P. 133 – 143.

The article was submitted: July 20, 2025; Approved after reviewing: August 10, 2025; Accepted for publication: August 22, 2025.

Введение

Ранним утренним туманом Санкт-Петербурга 19-го века коллежский асессор с ужасом обнаружил, что его нос исчез с лица, и вместо этого разгуливал по улицам в вышитой золотой униформе. И однажды на рассвете в Праге в 20-м веке продавец Грегор Замза просыпается и обнаруживает, что превратился в насекомое. Эти два абсурдных литературных момента, разделенных восемьдесят годами, образуют удивительное взаимодействие. «Нос» Гоголя (1836) и «Превращение» Кафки (1915) вместе создают удивительную тему «отчуждения тела» в истории литературы через аномальную деформацию органов тела. Во многих исследованиях феномен отчуждения изучался с психологической точки зрения, утверждая, что необходимо изучать как часть общей системы психологических феноменов, т.е. как телесное проявление ряда личностных конфликтов [1]. Эта аналитическая основа дает важные выводы для понимания феномена отчуждения тела в литературе. Как показали последующие исследования, отчуждение «физического Я» по существу отражает экзистенциальную дилемму индивида в процессе модернизации [3]. «Нос» посвящено взаимосвязи между потерей смысла и понятием отчуждения, расширяя психологическую перспективу до экзистенциального уровня. В то же время философское исследование еще больше углубляет эту дискуссию, анализирует современную концепцию тела и отчуждения между человеком и телом [5], а также дает теоретическое обоснование феномена телесного отчуждения в художественных текстах.

Этот междисциплинарный контекст исследования показывает, что физическое отчуждение является не только психологическим феноменом, но и философским положением, а также важной темой литературного выражения. В литературном творчестве философия существования Ницше предоставляет уникальную перспективу для анализа человеческого существования в «Превращении» Кафки [14]. «Нос» Гоголя не только показывает смену парадигмы русских культурных чувств от традиционных обонятельных ценностей к западному визуальному центризму через диалог и смех в темноте [12], также использует мифическое мышление «часть вместо целого» [2]. Напротив, Кафка рассматривал сон как состояние потери сознания с медицинской точки зрения [11]. Это философское созерцание тела проявляется в «Превращении» как метафора страха перед возможностью болезни [15]. Произведения Кафки, такие как «Превращение», «Замок» и «Процесс», написанные после начала Первой мировой войны, можно сказать, ознаменовали рождение западной отчужденной литературы [6]. Обладая уникальными модернистскими литературными характеристиками, эти произведения интерпретируются с трех сторон: абсурда, отчуждения и символизма [8].

«Нос» Гоголя (1836) и «Превращение» Кафки (1915) – два классических текста, написанных об отчуждении тела, раскрывающих кризис человеческой субъективности в контексте все более отчужденной современности в форме абсурдистской комедии и черной аллегории соответственно. Сравнивая нетрадиционные вариации органов тела и тел в двух работах, в этой статье исследуются различия в различных символических носителях и дисциплинарных силах, стоящих за ними: первый использует причудливое смещение носа, чтобы отразить тревогу за идентичность бюрократического общества в период имперской России, а второй использует трансформацию тела жука, чтобы таинственно и глубоко заявить об абсурдном существовании современных людей [4]. Этот диалог во времени и пространстве обнажает эволюцию темы отчуждения от внешней социальной критики к внутренним духовным дилеммам.

Материалы и методы исследований

В сравнительно-литературной перспективе, в данной работе используется аналитический инструмент AntConc 4.3.1 для проведения сравнительного исследования темы отчуждения тела в «Нос» Гоголя и «Превращение» Кафки. Благодаря сочетанию внимательного чтения текста и количественного анализа, в данной статье систематически исследуются различия в нарративах отчуждения двух произведений с трех измерений: носителя отчуждения, механизма власти дисциплины и литературного выражения. В настоящем исследовании для сравнительного анализа темы телесного отчуждения в повестях Н.В. Гоголя «Нос» (1836) и Ф. Кафки «Превращение» (1915) применён междисциплинарный метод, сочетающий литературоведческий подход с элементами философского и лингвистического анализа, а также с цифровыми инструментами корпусной лингвистики. Основным аналитическим средством выступила программа AntConc 4.3.1, позво-

лившая осуществить количественное и контекстуальное изучение частотных лексем – носителей семиотики отчуждения (например, «нос», «дверь», «комната») в указанных текстах. Параллельно применялись методы внимательного текстологического чтения, концептуального моделирования и дискурсивного анализа, направленные на выявление различий в репрезентации телесной инаковости, механизмов дисциплинарной власти и способов литературного выражения. Исследование опирается на философскую концепцию телесного отчуждения, разработанную в рамках экзистенциальной традиции и критической теории, а также на современные лингвистические подходы к анализу повествовательных структур и символических репрезентаций. Такой синтез количественных и качественных методов обеспечил целостное и многомерное осмысление телесного отчуждения как культурного и литературного феномена в условиях социальной и онтологической нестабильности модерности.

Результаты и обсуждения

Результаты показывают, что на носителе отчуждения, «Нос» выбирает в качестве объекта отчуждения «нос» с социальной символикой, в то время как «Превращение» использует в качестве носителя полностью дегуманизированного «насекомое», и это различие отражает различное восприятие телесных символов между двумя писателями. С точки зрения дисциплинирующей власти, Гоголь показывает манипулирование символическими идентичностями властью, разоблачая лицемерие иерархического общества через причудливое исчезновение носа. Кафка, с другой стороны, представляет господство власти дисциплины над онтологией жизни, а образ насекомого намекает на полное отчуждение современного человека. В литературном выражении первый использует преувеличенный сатирический юмор для деконструкции социального лицемерия, в то время как второй использует холодное и спокойное повествование, чтобы нормализовать абсурд и принять абсурд как реальность существования. Данное исследование не только углубляет понимание творческих особенностей двух писателей, но и помогает понять затруднительное положение современного человека, предлагая новые интерпретационные подходы к теме отчуждения в литературе модернизма.

Различия в знаковом носителе телесной отчужденности. В литературных произведениях отчуждение тела часто служит важным средством выражения социальной критики или философской рефлексии. В произведениях Гоголя «Нос» и Кафки «Превращение» посредством гротеска изображается процесс отчуждения человеческого тела от его нормального состояния. Однако носители знаков отчуждения в этих текстах представлены в различных формах: нос Ковалева «сбегает» в качестве самостоятельного объекта, становясь социально маркированным символом, тогда как Грегор Замза трансформируется в насекомое, превращаясь в стигматизированный носитель, отвергаемый обществом. Это различие в семиотических носителях отражает различные способы дисциплинарного воздействия власти на отчужденное тело.

В повести «Нос» чиновник восьмого класса Ковалев сталкивается с частичной отчужденной телесностью – его нос не только обретает самостоятельную личность, но и получает более высокий социальный статус. Такая персонифицированная метаморфоза отдельного органа создает уникальный семиотический носитель. Ковалев переживает кризис идентичности, поскольку его социальная позиция и маскулинность внезапно утрачиваются – нос становится маркером социального положения [7]. Нос не только способен к самостоятельным действиям, но и пользуется в обществе большим уважением, чем сам Ковалев, что дополнительно усиливает сатирический пафос повести.

В «Нос» семиотика телесного отчуждения демонстрирует уникальные пространственно-репрезентативные характеристики. Согласно статистическому анализу, проведенному в AntConc 4.3.1, нос как носитель отчужденного знака, выступающий субъектом социального действия, имеет частотность употребления 100 раз (таблица 1). Глобальный индекс дисперсии 0.900 (таблица 2) свидетельствует о широком распределении данного знака в нарративной структуре. На рисунке 1 представлено облако слов, сгенерированное на основе контекстов употребления лексемы «нос». Анализ текста и визуализации показывает, что при исключении служебных слов (что, на, не, то, в, и и др.), существительное «нос» в синтаксических структурах преимущественно сочетается с личными местоимениями (вы, его, он) или антропонимами (Иван, Ковалев). Данное языковое явление указывает на то, что, что этот телесный орган приобретает синтаксический статус и нарративную функцию, равнозначные персонажу. Нос преодолевает традиционные предметные ограничения телесного органа, становясь ключевым означающим, пронизывающим всю повествовательную сеть текста. В отличие от кафкианского «Превращение», где пространство отчуждения ограничено семейной сферой, Гоголь сознательно расширяет радиус действия носа до масштабов всего социального пространства – от бюрократических учреждений до городских улиц, от церкви до редакции газеты. Его траектория движения, простирающаяся от чиновничих кабинетов до публичных городских пространств, формирует панорамное отображение структур социальной власти. Как носитель семиотики от-

чуждения, нос выходит за рамки чисто повествовательной функции, одновременно отражая и подвергая критике структуры власти в русском обществе XIX века.

Таблица 1

Частотность употребления слова «нос» в произведениях.

Table 1

Frequency of use of the word "nose" in the work.		
Ранг	Тип	Частота
1	нос	69
2	носа	20
3	носе	4
4	носом	3
5	носу	3
6	носы	1

Таблица 2

Анализ распределения знака в произведениях.

Table 2

Analysis of the distribution of the sign in the work.							
Row	FileID	FilePath	FileTokens	Freq	NormFreq	Dispersion	Plot
1	0	hoc.docx	7726	100	12943.308	0.900	

Рис. 1. Облако слов, сгенерированное на основе контекстов употребления лексемы «нос».

Fig. 1. Word cloud generated based on the contexts of use of the lexeme “nose”.

В «Превращение» носителем семиотики отчуждения выступает целостная метаморфоза: Грегор Замза однажды утром просыпается, обнаружив себя превратившимся в гигантское насекомое. Данное отчуждение носит не частичный и отдельный, а тотальный и необратимый характер. Кафка не предлагает никакого объяснения причин превращения, не приводит ни научных, ни сверхъестественных обоснований, заставляя читателя принять этот факт как данность. Такой художественный прием превращает отчуждение в неизбежную реальность, а не временное нарушение порядка. Превращение Грегора не только изменяет его телесность, но и полностью разрушает его социальные функции как человека, приводя к постепенной изоляции как в семейном кругу, так и в обществе. Этот целостный носитель семиотики отчуждения составляет разительный контраст с парциальным отчуждением органа в «Нос».

В «Превращение» пространственные символы «дверь» и «комната» как носители семиотики отчуждения строго маркируют границы физического и психологического пространства Грегора Замзы в процессе его отчуждения. Дверь обладает свойствами семиотического носителя с частотностью употребления 87 раз (таблица 3) и индексом дисперсии 0.841 (таблица 4). Анализ облака слов на основе контекстов лексемы «дверь» (рис. 2) демонстрирует ее частую сочетаемость с пространственными предлогами (в, на, к, за, от),

что подчеркивает ее функцию пространственного маркера. В то же время, ко-встречаемость лексемы «дверь» с личными местоимениями (такими как его, она) и референциальными обозначениями персонажей (например, отец, Грегор) раскрывает медиативную функцию двери в нарративе – соединять субъекта с пространством и опосредовать межличностное взаимодействие. Дверь становится не только узловым пунктом трансформации человеческой / насекомой идентичности, но и через свои состояния (открыто / закрыто) регулирует властные отношения семейного смотрения / быть-видимым. Повторяющийся образ «дверь в щель» (как в сцене передачи пищи сестрой через дверной просвет) редуцирует существование отчужденного индивида до щелевидного модуса бытия. Замкнутость комнаты с частотностью 94 употребления (таблица 5) и индексом дисперсии 0.851 (таблица 6) формирует питательную среду отчуждения. Первоначально выполняющая функцию спасительной спальни, комната постепенно трансформируется в клетку для тела-насекомого, чтобы в finale, через насильтвенное удаление мебели, окончательно обнажить свою сущность как «нечеловеческого пространства». Анализ облака слов для лексемы «комната» (рис. 3) показывает аналогичную сочетаемость с пространственными предлогами, но примечательно более частое появление в контексте с «сестра» и «мать», чем с «отец». Динамическое взаимодействие этих пространственных образов (проницаемость двери vs эксклюзивность комнаты) систематически реализует топографию отчуждения. Когда служанка окончательно распахивает дверь, смерть не только прекращает физическое существование тела-насекомого, но и знаменует тотальную элиминацию идакости из семейного пространства. Этот механизм пространственной семиотики составляет контраст с характеристиками носа в «Нос» Гоголя, свободно перемещающегося в социальном пространстве.

Частотность употребления слова «дверь» в произведении.

Таблица 3

Table 3

Frequency of use of the word "door" in the work.		
Ранг	Тип	Частота
1	дверь	51
2	двери	27
3	дверью	4
4	дверей	3
5	дверьми	2

Анализ распределения знака в произведениях.

Таблица 4

Table 4

Analysis of the distribution of the sign in the work.							
Row	FileID	FilePath	FileTokens	Freq	NormFreq	Dispersion	Plot
1	0	Превращение.docx	16115	87	5398.697	0.841	

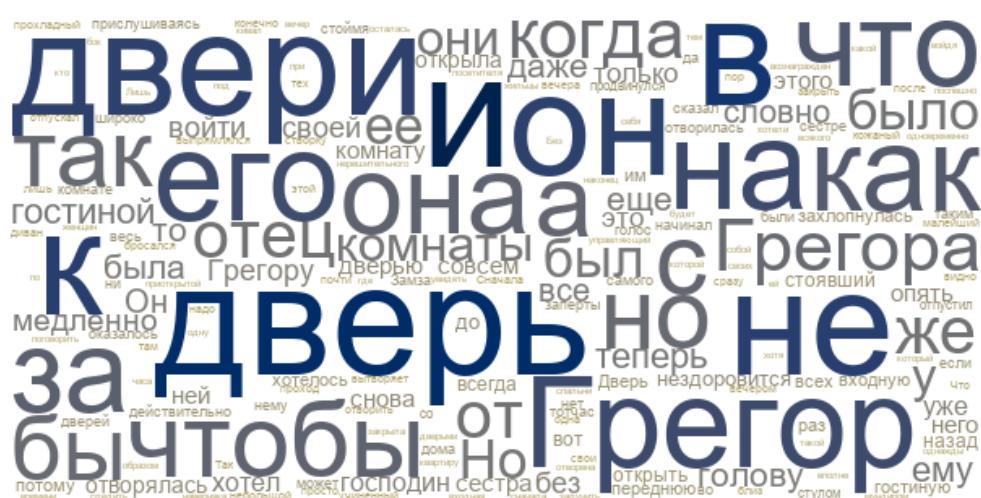

Рис. 2. Облако слов, сгенерированное на основе контекстов употребления лексемы «дверь».

Fig. 2. Word cloud generated based on the contexts of use of the lexeme “door”.

Частотность употребления слова «комната» в произведениях.

Габлица 5

Frequency of use of the word “room” in the work.

Frequency of use of the word "room" in the work.		
Ранг	Тип	Частота
1	комнате	33
2	комнату	33
3	комнаты	21
4	комната	5
5	комнатах	1
6	комнатой	1

Анализ распределения знака в произведениях.

Таблица 6

Analysis of the distribution of the sign in the work.

Analysis of the distribution of the sign in the work.							
Row	FileID	FilePath	FileTokens	Freq	NormFreq	Dispersion	Plot
1	0	Превращение.docx	16115	94	5833.075	0.851	

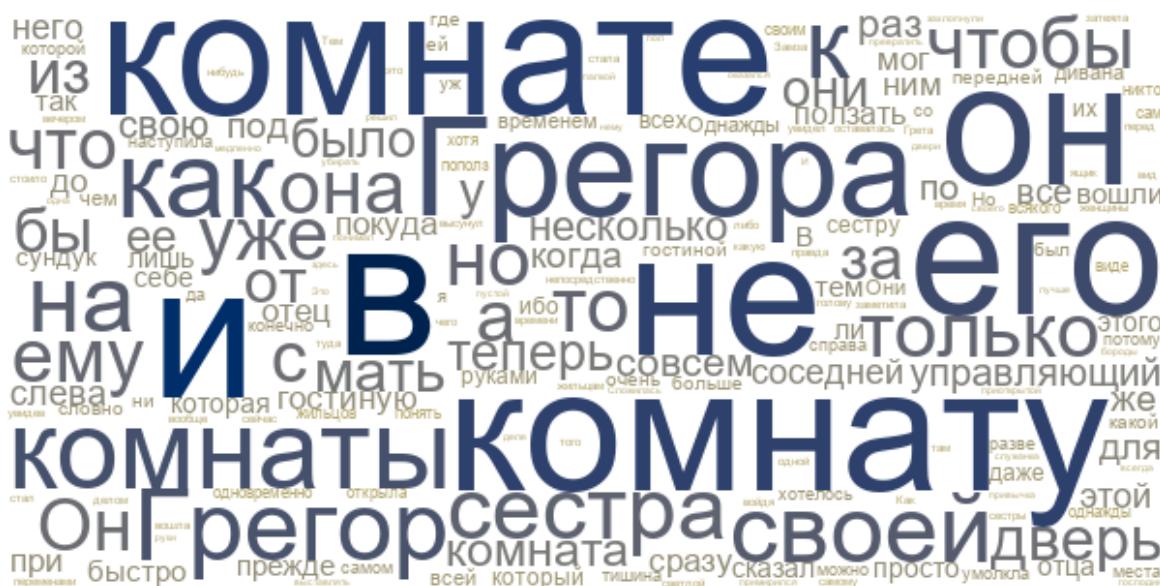

Рис. 3. Облако слов, сгенерированное на основе контекстов употребления лексемы «комната».

Fig. 3. Word cloud generated based on the contexts of use of the lexeme “room”.

Функциональные различия носителей семиотики отчуждения существенно влияют на интерпретацию темы в двух произведениях. Нос, хотя и отделяется от тела Ковалева, не выпадает из социального контекста. Напротив, он появляется в более высоком социальном статусе (статский советник), способен общаться с людьми, пользоваться экипажем, посещать светские мероприятия. Эта «независимость» носа разоблачает абсурдность бюрократической системы царской России: социальный статус может существовать независимо от личных качеств, а нос без тела получает уважение лишь благодаря мундиру. Гоголь через этот прием сатирически изображает слепое поклонение чинам и внешним атрибутам в российском обществе. В «Превращение» Кафки насекомое, в которого превращается Грегор, полностью исключен из человеческого общества. Насекомое как низшая форма жизни в культурной символике ассоциируется с грязью, бесполезностью, отвращением. Хотя Грегор сохраняет человеческие эмоции и мышление, его тело делает невозможным выполнение роли кормильца. Семья сначала ухаживает за ним из чувства долга, но постепенно начинает воспринимать его как обузу, пока окончательно не отказывается от него. Кафка демонстрирует, что в

современном обществе ценность человека определяется его функциональностью: потеряв социальную пользу, даже сохранив человеческое сознание, индивид неизбежно маргинализируется.

Нarrативная функция носителей семиотики отчуждения создает различные художественные эффекты в рассматриваемых произведениях. В «Нос» Гоголя «бегство» носа порождает серию комических эпизодов: попытки Ковалева дать объявление в газету, поимка носа во время молитвы в соборе, его «арест» полицейскими с помощью хлеба и последующее возвращение хозяину. Эти сцены, наполненные черным юмором, позволяют читателю ощутить искажение социальных норм через призму абсурда. Независимость носа не приводит к подлинной трагедии – в finale он чудесным образом возвращается на свое место, словно все происшедшее было лишь странным сном. Такой нарративный подход смягчает ужас отчуждения, превращая его в сатирическую проекцию социальных явлений. В «Превращение» Кафки метаморфоза в насекомое напрямую ведет к гибели Грегора. Его телесная трансформация носит не временный, а перманентный характер; не комический, а ужасающий. Кафка использует сдержанную, почти клиническую манеру повествования, не оставляя места для надежды на спасение. Смерть Грегора описывается мимоходом, как будто его существование уже давно стерто из памяти мира. Этот нарративный прием усиливает жестокость отчуждения, заставляя читателя остро ощутить одиночество и бессилие современного человека.

Различия между телесной отчужденностью и дисциплинарной властью. В «Нос» Гоголя и «Превращение» Кафки социальная реакция на телесное отчуждение формирует ключевую перспективу для понимания того, как властные структуры дисциплинируют индивида. Способы реагирования бюрократической системы царской России на «инцидент с носом» у Гоголя и отношение капиталистической семьи к «ожившему» Грегору у Кафки создают напряженную дилемму, вскрывающую механизмы власти.

В абсурдистской нарративной структуре гоголевского «Нос» бюрократическая система предстает как ключевой аппарат дисциплинарной власти, осуществляющий контроль над индивидом через знаки идентичности. Между коллежским асессором Ковалевым и его носом возникает напряженное нарративное противоречие, обусловленное их положением в структуре власти. В то время как сам Ковалев остается на уровне чиновника восьмого класса (его звание майора носит лишь почетный характер), отделившись нос, обладая статусом статского советника (пятый класс), немедленно получает признание бюрократической системы. Этот абсурдный дисбаланс статусов вскрывает суть дисциплинарного общества, отмеченную Фуко: функционирование власти зависит не от субстанциональности субъекта, а от верификации и перформативного воспроизведения символических идентичностей [9].

Поведенческая логика частного пристава и редактора газеты исчерпывающе демонстрирует, как бюрократическая машина посредством процедурной рациональности нейтрализует аномалии. Принимая заявление, полицейская система интересуется не биологическим чудом отделения носа, а формальным соответствием документов. Отказ редакции опубликовать объявление о пропаже носа отражает системное исключение дискурсивной властью нарративов, выходящих за рамки обыденного. Эти реакции, будучи административными практиками, успешно нормализуют трансгрессивные явления.

Особого внимания заслуживает искусно выстроенная иерархия чинов (от статского советника – носа, коллежского асессора Ковалева до неуточненного ранга частного пристава), формирующая микроструктуру властного генеалогического древа. Социальная активность носа после получения высшего чина (молитва в соборе, визиты к чиновникам) разоблачает операционные принципы бюрократической системы царской России, где социальный капитал жестко привязан к статусным символам. Трудности Ковалева в поисках носа как низшего чина (неспособность мобилизовать полицейские ресурсы) подтверждают, как бюрократия через тонкую градацию рангов заставляет индивидов интериоризировать репрессивную логику властных структур. Финал с загадочным возвращением носа становится едкой сатирой на дисциплинарную власть. В таблице 7 представлено распределение в тексте бюрократических титулов (коллежский асессор, статский советник, штаб-офицерша, чиновник, частный, майор и др.) (Прим.: приводятся исходные формы, поиск учитывал все падежные варианты). Высокая частотность и широкая дистрибуция этих знаков бюрократической системы раскрывают механизмы, посредством которых дисциплинарная власть через символику должностных наименований осуществляет классификацию, позиционирование и контроль над субъектами. Это отражает гоголевскую критику культа статуса в царской бюрократии и демонстрирует глубокую де-конструкцию писателем механизмов бюрократического отчуждения.

В «Превращение» члены семьи выступают как конкретные исполнители дисциплинарной власти, формирующие через дифференцированные поведенческие модели плотную сеть властных отношений, которая подвергает отчужденное тело Грегора постоянному надзору и дисциплинование. Этот процесс демонстрирует классические фукодианские характеристики функционирования власти: он осуществляется не че-

рез прямое насилиственное подавление, а посредством стратегических интервенций членов семьи на разных этапах, создавая целостный механизм – от телесной дисциплины до психического угнетения.

Таблица 7
Распределение в тексте бюрократических титулов.
Table 7
Distribution of bureaucratic titles in the text.

Row	FileID	FilePath	FileTokens	Freq	NormFreq	Dispersion	Plot
1	0	нос.docx	7726	86	11131.245	0.833	

Трансформация роли сестры Греты особенно рельефно воплощает природу дисциплинарной власти. Из-начально появляясь в роли сиделки, она осуществляет мягкое дисциплинирование через ежедневное кормление – эта кажущаяся заботливой практика фактически устанавливает субъект-объектные отношения власти. По мере развития нарратива ее фортелические выступления создают в домашнем пространстве культурный барьер: музыка, маргинализирует Грегора как аутсайдера культурного поля. Финал, где она хладнокровно предлагает избавиться от насекомого, демонстрирует действие биовласти [10, с. 140] – механизма регулирования и управления жизнью.

Отцовская дисциплинарная практика носит характер публичного наказания. Момент, когда яблоко раздавливает панцирь, является точной метафорой насилиственного подчинения. Особенно метафоричным представляется момент облачения в форменную одежду – банковский костюм не просто символизирует восстановление социального порядка, но через реконструкцию визуальных знаков осуществляет семиотическое исключение аномального тела. Роль матери раскрывает амбивалентность дисциплинарной власти. Ее обмороки могут быть прочитаны как инстинктивное сопротивление системе дисциплины, тогда как коначное молчаливое согласие демонстрирует мощную абсорбирующую способность властных сетей. Эта колебательная позиция обнажает парадокс семьи как дисциплинарного института: необходимость сохранять видимость эмоциональной связи при одновременном требовании устраниния инаковости. Попытка матери сохранить мебель представляет собой последнее признание человеческой сущности Грегора, тогда как окончательный отказ от этих вещей знаменует полный крах семейной этики перед лицом дисциплинарной логики. В текстовой структуре три ключевых семейных персонажа – «отец», «мать» и «сестра» – встречаются с абсолютной частотностью 117, 103 и 82 раза соответственно, при коэффициенте дисперсии 0.799 (распределение в тексте см. в таблице 8). Формируемая ими дисциплинарная система демонстрирует классические черты пространственной политики. Регулируя частоту и степень открытия / закрытия двери (осторожное открытие двери сестрой, агрессивное захлопывание отцом), члены семьи осуществляют символическое разграничение властного пространства. Процесс удаления мебели представляет собой тщательно организованный ритуал дисциплинирования пространства: посредством устраниния следов человеческого бытия Грегора происходит его постепенная конструкция как чистого Другого. Данная пространственная стратегия обеспечивает эффективное функционирование власти через манипуляцию видимостью.

Таблица 9
Распределение в тексте «отец», «мать» и «сестра».
Table 9
Distribution of “father”, “mother” and “sister” in the text.

Row	FileID	FilePath	FileTokens	Freq	NormFreq	Dispersion	Plot
1	0	Превращение.docx	16115	302	18740.304	0.799	

Финальное звено в цепи дисциплинарной власти реализует служанка, трансформируя процесс очищения после смерти в часть повседневных хозяйственных дел (как убрать это, можете не беспокоиться. Уже все в порядке). Глагол «убрать» обладает глубокой семиотической значимостью: его обычное значение, относящееся к бытовой уборке, здесь сознательно применяется для обозначения ликвидации тела Грегора, что редуцирует биологическую смерть до уровня рутинной домашней работы. Такой лингвистический сдвиг аккуратно обходит саму тему смерти [9, с. 139], демонстрируя дискурсивное конструирование насилия через повседневную жизнь – характерный механизм функционирования дисциплинарной власти. В этом процессе различные члены семьи выполняют соответствующие дисциплинарные функции, переходя от управ-

ления жизнью к администрированию смерти, что одновременно отражает жестокую логику капиталистического общества, которое превращает человека в инструмент производства [13].

Сравнительный анализ выявляет, что Гоголь и Кафка раскрывают механизмы дисциплинарной власти перед вызовом телесного отчуждения через две различные социальные сферы – бюрократическую систему и семейное пространство. Бюрократический аппарат нейтрализует угрозу через нормализацию абсурда: нос рассматривается как рядовой случай утери, его алогичность маскируется административными процедурами. В противоположность этому, семейная единица устанавливает границы через процесс "инаковости" – Грегор последовательно дегуманизируется, пока окончательно не исключается из домашнего пространства. Обе модели социального реагирования, при всей их формальной разнице, служат одной цели: поддержанию существующего властного порядка через дисциплину аномального тела.

Различия в литературном выражении телесной отчужденности. Исследуя литературное выражение телесного отчуждения, Гоголь и Кафка предлагают нам два разных пути. Сатирический юмор с лукавой улыбкой в «Нос» и экзистенциальное отчаяние, пронизывающее в «Превращение», представляют собой различные парадигмы литературного выражения в литературе на тему отчуждения тела. За этими двумя разными стилями стоят разные способы понимания природы человеческого общества двумя писателями, а также различные художественные стратегии, которые они используют перед лицом абсурда жизни.

Согласно статистическому анализу в AntConc, лексическое разнообразие «Нос» характеризуется следующими показателями: 3006 уникальных слов (типов) при общем объеме 7726 словоупотреблений (токенов), что дает коэффициент лексического разнообразия (TTR) 0.389. В «Превращение» зафиксировано 5107 типов при 16115 токенах с TTR 0.317. Хотя традиционный показатель TTR потенциально зависит от длины текста, учитывая относительно небольшой объем обоих произведений, выявленная разница остается статистически значимой. Полученные данные свидетельствуют, что лексикон Гоголя в «Нос» демонстрирует большую вариативность, что коррелирует с присущей этому произведению игривой и изменчивой стилистикой.

Мировоззренческие различия в понимании отчуждения обусловили различные художественные решения у двух авторов. У Гоголя отчуждение обладает четкой социальной направленностью. Исчезновение носа служит сатирой на конкретные явления – косность бюрократии, абсурд сословной иерархии, лицемерие социальных оценок. Это обратимое отчуждение (нос возвращается на место), будучи по сути художественным преувеличением, призвано обнажить скрытые механизмы реальности. Кафка же изображает отчуждение онтологического порядка. Превращение Грегора – не критика отдельных социальных явлений, а метафора экзистенциального состояния современного человека. Это необратимое отчуждение, отражающее фундаментальную экзистенциальную дистанцию между человеком и миром.

Писатели демонстрируют различное понимание отчуждения, что отражается в их художественных решениях. У Гоголя отчуждение носит социально-ориентированный характер. Исчезновение носа сатирически изображает конкретные социальные явления: косность бюрократической системы, абсурдность сословной иерархии, лицемерие общественных оценок. Это обратимое отчуждение (нос в конечном итоге возвращается на место), являясь по сути художественным преувеличением, призвано раскрыть скрытые аспекты реальности. Кафка же представляет отчуждение на онтологическом уровне. Превращение Грегора – это не критика отдельных социальных проблем, а метафора экзистенциального состояния современного человека. Такое отчуждение необратимо, поскольку отражает имую дистанцию между человеком и миром.

Сатирическое мастерство Гоголя достигает вершины в повести «Нос». Писатель использует гиперболизированный абсурд для разоблачения лицемерия российского общества. Когда нос Ковалева в мундире статского советника разгуливает по Невскому проспекту, эта кажущаяся комичной сцена содержит острую социальную критику. Гоголевский юмор подобен хирургическому скальпелю, вскрывающему болезненную суть бюрократической системы: в этом мире нос без тела заслуживает уважения благодаря мундиру, тогда как живой человек теряет социальный статус без этого символа. Через гротескное смешение акцентов писатель заставляет читателя, смеясь, задуматься об абсурдности самих социальных институтов. Эта сатира – не просто насмешка, а глубокий когнитивный переворот, внезапно показывающий, что привычные социальные нормы могут быть тщательно срежиссированным абсурдным спектаклем.

В отличие от этого, литературный стиль Кафки в «Превращение» отличается от вышеупомянутого. Его повествовательный тон остается тревожно спокойным, даже когда он описывает самые ужасающие сцены превращения, его язык остается точным и сдержаным. Такой холодный литературный стиль создает особый эффект: абсурд больше не является объектом наблюдения, а становится реальностью, с которой читатель должен непосредственно столкнуться. Когда Григорий проснулся однажды утром и обнаружил, что превратился в огромного жука, Кафка не дал никаких объяснений и не предложил никакой надежды. Такой подход заставляет читателя принять тот факт, что в современном обществе отчуждение человека не требует

причин, оно является базовым состоянием самого существования. Отчаяние Кафки – это не эмоциональная разрядка, а философское раскрытие сущности бытия.

Два произведения демонстрируют различные нарративные структуры. «Нос» Гоголя следует классической трехчастной структуре: равновесие (обычная жизнь Ковалева) – нарушение равновесия (исчезновение носа) – восстановление равновесия (возвращение носа). Эта структура отражает мировоззрение Гоголя: несмотря на абсурдность общества, порядок в конечном счете восстанавливается, а абсурд преодолевается. В то время как «Превращение» Кафки представляет собой нисходящую траекторию: от момента превращения до полного забвения Грегора. Кафка сознательно исключает возможность спасения, что выражает его фундаментальное убеждение: в современном мире отчуждение – не временное отклонение, а постоянная основа существования.

Два произведения демонстрируют различные нарративные структуры. «Нос» Гоголя следует традиционной трехчастной схеме: исходное равновесие (обычная жизнь Ковалева), нарушение баланса (исчезновение носа), восстановление порядка (возвращение носа). Эта структура отражает гоголевское понимание мира: несмотря на социальный абсурд, порядок в конечном итоге восстанавливается, а алогичность преодолевается. В противоположность этому, «Превращение» Кафки выстраивается как неуклонная нисходящая траектория: от момента метаморфозы до полного забвения Грегора. Кафка сознательно лишает текст какой-либо возможности искупления, что выражает его фундаментальное убеждение: в современном мире отчуждение – не временное отклонение, а перманентная основа существования.

Два этих способа художественного осмысления отчуждения отражают принципиально разные экзистенциальные установки. Гоголь противостоит абсурду через смех – не как бегство от реальности, но как особый способ познания и оружие сопротивления. В его мире юмор становится светом, озаряющим социальные темноты. Кафка же последовательно отвергает возможность такого искупления, настаивая на изображении самой тьмы – не ради поиска выхода, но ради утверждения истины: подчас тьма и есть вся реальность. Эти два выбора формируют дихотомию в современной литературе, обращающейся к теме отчуждения: если Гоголь выбирает смех как средство деконструкции абсурда, то Кафка – молчание как контейнер для его воплощения.

Выводы

Гоголевский «Нос» и кафкианское «Превращение», используя нос и насекомое в качестве носителей отчуждения, раскрывают соответственно: манипуляцию властью символическими идентичностями и контроль дисциплинарной власти над жизнью. Гоголь с присущим ему сатирическим юмором деконструирует лицемерие бюрократического общества царской России, заставляя нас в смехе рефлексировать о нелепости социальных институтов. Кафка же холодной, почти клинической прозой представляет абсурд как экзистенциальную данность.

Эти два произведения, словно зеркала, отражают под разными углами наши глубинные тревоги и экзистенциальные страхи. Гоголевский смех – это сопротивление абсурдной реальности, разоблачение социальной фальши; кафкианское молчание – прямое столкновение с экзистенциальным тупиком, медитация о бессмыслице бытия.

В потоке современного общества каждый из нас рискует стать отчужденным индивидом, чье тело и душа могут быть поглощены механизмами власти и дисциплины. Перед лицом усложняющихся форм отчуждения в современном мире нам, возможно, необходимы оба этих качества: гоголевская проницательность, чтобы видеть сквозь социальные маски, и кафкианское мужество для встречи с экзистенциальной бессмыслицей. Наследие этих мастеров – не просто литературные приемы, но два глубоких, хотя и принципиально различных, вида экзистенциальной мудрости.

Список источников

1. Айламазян А.Н., Каминская Н.А. Феноменология телесного образа «я» и проблема отчуждения // Vox. Философский журнал. 2011. № 10. С. 117 – 132.
2. Ду Гоин. Современная мифология "Носа" и "Глаз" в Петербурге: альтернативное прочтение «Носа» и «Портрета» Гоголя // Шедевры литературы (Ming Zuo Xin Shang). 2011. № 33. С. 35 – 36.
3. Каминская Н.А. Исследования отчуждения физического «я» // Консультативная психология и психотерапия. 2016. № 24 (2). С. 8 – 28.
4. Лю Цзяньмэй. Литературные вариации на тему "превращения" // Китайская сравнительная литература. 2020. № 1. С. 114 – 130.
5. Макаров А.И., Торопова А.А. Отчужденные тела: трактовка концепта телесности в постмодернизме // Logos et Praxis. 2016. № 4. С. 17 – 26.
6. Сюй Жучжи. Литература отчуждения и две концепции отчуждения // Вестник Нанкинского педагогического университета (серия "Социальные науки"). 1982. № 3. С. 39 – 47.

7. Фан Сюжань. Анализ поэтики карнавализации в творчестве Н.В. Гоголя: на примере повести «нос» // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 3 (112). С. 477 – 480.
8. Юй Хун. Интерпретация "Превращения": абсурд, отчуждение и символизм // Преподавание китайского языка в средней школе. 2020. № 10. С. 45 – 48.
9. Foucault M. Discipline and punish // Social theory re-wired. Routledge, 2023. P. 291 – 299.
10. Foucault M. The history of sexuality volume I // Feminist Studies. Routledge, 1978. P. 61 – 66.
11. Iranzo A., Stefani A., Högl B., Santamaria J. Kafkas' insomnia and narrative works // Sleep Medicine. 2018. Vol. 52. 233 p.
12. Klymentiev M. The Dark Side of "The Nose": The Paradigms of Olfactory Perception in Gogol's "The Nose" // Canadian Slavonic Papers. 2009. Vol. 51. No. 2-3. P. 223 – 241.
13. Marx K., Engels F. Economic and Philosophical Manuscripts of 1844 and the Communist Manifesto. New York: Prometheus Books, 1988. 230 c.
14. Mohammed M.K. Human existence in kafka's the metamorphosis // Social Sciences & Humanities Open. 2025. Vol. 12. Art. 101701.
15. Tornero-Romero F., Morante-Ruiz M., Gonzales-Camp A. Fear of illness in Kafka's Metamorphosis // Revista Clínica Española (English Edition). 2024. Vol. 224. No. 8. P. 534 – 536.

References

1. Aylamazyan A.N., Kaminskaya N.A. Phenomenology of the bodily image of the "I" and the problem of alienation. Vox. Philosophical journal. 2011. No. 10. P. 117 – 132.
2. Du Guoying. Modern mythology of the "Nose" and "Eyes" in St. Petersburg: an alternative reading of Gogol's "Nose" and "Portrait". Masterpieces of literature (Ming Zuo Xin Shang). 2011. No. 33. P. 35 – 36.
3. Kaminskaya N.A. Studies of alienation of the physical "I". Counseling psychology and psychotherapy. 2016. No. 24 (2). P. 8 – 28.
4. Liu Jianmei. Literary variations on the theme of "transformation". Chinese comparative literature. 2020. No. 1. P. 114 – 130.
5. Makarov A.I., Toropova A.A. Alienated Bodies: Interpretation of the Concept of Corporeality in Postmodernism. Logos et Praxis. 2016. No. 4. P. 17 – 26.
6. Xu Ruzhi. Literature of Alienation and Two Concepts of Alienation. Bulletin of Nanjing Normal University (Social Sciences Series). 1982. No. 3. P. 39 – 47.
7. Fan Xiaoran. Analysis of the Poetics of Carnivalization in the Works of N.V. Gogol: The Example of the Story "Nose". The World of Science, Culture, Education. 2025. No. 3 (112). P. 477 – 480.
8. Yu Hong. Interpreting "The Metamorphosis": Absurdity, Alienation, and Symbolism. Teaching Chinese in High School. 2020. No. 10. P. 45 – 48.
9. Foucault M. Discipline and punish. Social theory re-wired. Routledge, 2023. P. 291 – 299.
10. Foucault M. The history of sexuality volume I. Feminist Studies. Routledge. 1978. P. 61 – 66.
11. Iranzo A., Stefani A., Högl B., Santamaria J. Kafkas' insomnia and narrative works. Sleep Medicine. 2018. Vol. 52. 233 p.
12. Klymentiev M. The Dark Side of "The Nose": The Paradigms of Olfactory Perception in Gogol's "The Nose". Canadian Slavonic Papers. 2009. Vol. 51. No. 2-3. P. 223 – 241.
13. Marx K., Engels F. Economic and Philosophical Manuscripts of 1844 and the Communist Manifesto. New York: Prometheus Books, 1988. 230 p.
14. Mohammed M.K. Human existence in kafka's the metamorphosis. Social Sciences & Humanities Open. 2025. Vol. 12. Art. 101701.
15. Tornero-Romero F., Morante-Ruiz M., Gonzales-Camp A. Fear of illness in Kafka's Metamorphosis. Revista Clínica Española (English Edition). 2024. Vol. 224. No. 8. P. 534 – 536.

Информация об авторах

Чжан Шимэн, Харбинский политехнический университет, г. Харбин

Ду Гоин, вице-профессор, Харбинский политехнический университет, г. Харбин